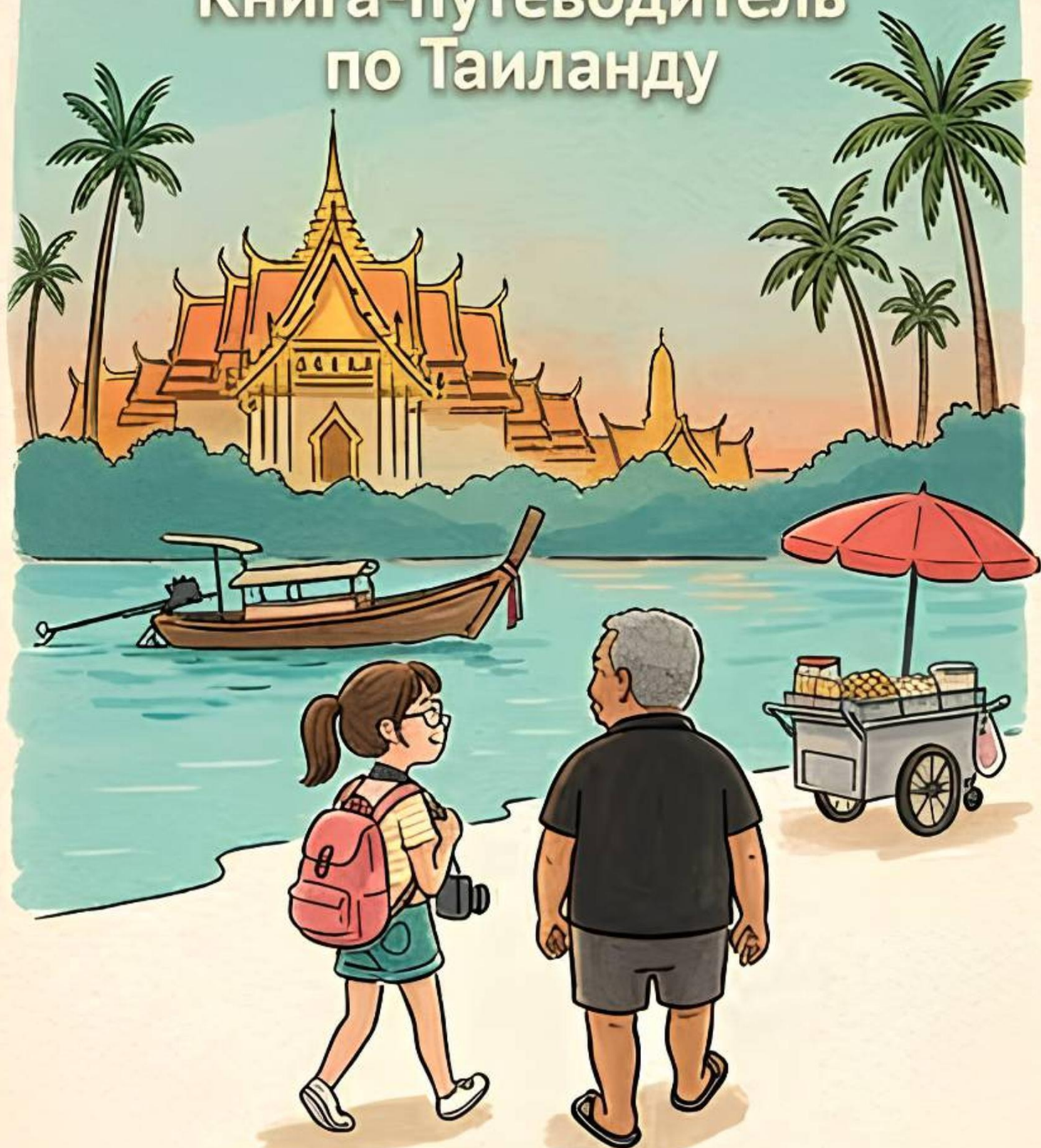

МАЙ ПЕН РАЙ

Книга-путеводитель
по Таиланду

Виктория Коханицкая

Виктория Коханистая

**Май Пен Рай. Книга-
путеводитель по Таиланду**

«Автор»

2026

Коханистая В.

Май Пен Рай. Книга-путеводитель по Таиланду / В. Коханистая —
«Автор», 2026

Соня из Казани прилетает в Бангкок на год — с камерой, ноутбуком и уверенностью, что Таиланд — это пляж и коктейль. В зале прилёта её встречает лунг Сом: бывший боец муай тай, гид с тридцатилетним стажем и автор таблички «Соня из Казани! Добро пожаловать!». Дальше — год разговоров. Почему страна улыбок улыбается не только от радости. Как живут пять тонов тайского языка. Сколько стоит тарелка риса и почему это главный вопрос об экономике. Зачем в аптечке водяной пистолет. И как эта страна ухитрилась не стать ничьей колонией. 25 глав-диалогов — история, буддизм, кухня, деньги, этикет, города и острова — и 16 приложений с практикой: готовые маршруты, календарь праздников, транспорт, бюджет, жильё, здоровье, разговорник, словарь еды и реалий. Для тех, кто едет впервые, едет снова или не едет вовсе, но хочет понять Таиланд изнутри — глазами двоих. Май пен рай.

© Коханистая В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать, Соня!	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктория Коханистая

Май Пен Рай. Книга-путеводитель по Таиланду

Глава 1. Добро пожаловать, Соня!

Табличка с ошибкой

Таиланд начался с того, что у меня запотели очки. Не метафорически — по-настоящему. Автоматические двери аэропорта Суварнабхуми разъехались, я шагнула из кондиционированного холода наружу, к стоянке, и мир исчез в белом тумане. Я стояла посреди тропической ночи с чемоданом, рюкзаком, камерой на шее и ничего не видела. Пахло горячим асфальтом, керосином, чем-то сладким и цветочным и немного — канализацией. Было без двадцати час ночи, середина ноября, и на табло над выходом горело: плюс двадцать шесть.

В Казани, когда я уезжала, шёл мокрый снег, и мама махала мне у подъезда варежкой. Мне двадцать три, я впервые улетела дальше Турции — и сразу на год, с ноября до следующего ноября. Работу взяла с собой: ретушь и съёмка для маркетплейсов, всё в ноутбуке. Теперь, осенью двадцать шестого, дописывая эту книгу, я не буду ничего приукрашивать. Лунг Сом говорит, что приукрашивать — это как добавлять сахар в *том ям*: можно, но тогда это уже не совсем том ям.

Но до этих дверей нужно было ещё дойти.

Паспортный контроль прошёл быстро: электронную карточку прибытия, TDAC, которую теперь требуют от всех иностранцев, я заполнила заранее. Виза у меня была особенная, DTV, — её дают тем, кто работает удалённо: на пять лет, но не больше ста восьмидесяти дней за один въезд. Пограничник снял у меня отпечатки пальцев, сфотографировал и вдруг сказал по-английски:

— Photographer?

Я кивнула на камеру.

— Take beautiful pictures of Thailand, — сказал он и шлёпнул штамп.

Это была первая тайская улыбка, которую я получила.

В зале прилёта меня накрыла толпа встречающих с табличками: фамилии, отели, иероглифы, арабская вязь. Меня должен был встретить человек, которого я никогда не видела. В две тысячи седьмом году мамина подруга тётя Гуля ездила в Паттайю с группой, и гидом у них был тайский дядька, который говорил по-русски, пел в автобусе «Катюшу» и спас их от жуткого морского ежа. Они переписывались все эти годы. Когда я объявила, что улетаю на год в Таиланд, тётя Гуля написала гиду, и гид ответил: «Встречу. Не волнуйтесь. Май пен рай». Мама не знала, что такое «май пен рай», и от этого волновалась ещё больше.

И тут я увидела табличку: «SOFIA». Большими синими буквами. Её держал маленький аккуратный таец в белой рубашке, с бейджем на шее. Я обрадовалась — меня ведь по паспорту зовут София! — подошла, улыбнулась, сказала «хай», и он тоже улыбнулся, взял у меня чемодан и повёл к выходу. Он что-то спросил про отель на Сукхумвите. Я сказала «йес» — я в ту ночь на всё говорила «йес». Он спросил про мистера Гарсию. Я снова сказала «йес» и только потом подумала: какого ещё Гарсию?

— Соня-а-а! Соня из Казани!

Сзади, расталкивая встречающих, к нам бежал человек. Невысокий, но широкий, как шкаф, седой ёжик, чёрная рубашка поло, шлёпанцы. В руках у него была картонка. Он что-то весело сказал по-тайски моему «водителю», тот ахнул, засмеялся, поклонился мне с видом человека, который чуть не увёз чужую невесту, вернул чемодан и убежал искать свою настоящую Софию — испанку, как выяснилось позже.

А человек в шлёпанцах повернул ко мне свою картонку. На ней фломастером, крупными печатными буквами, было написано:

«СОНЯ ИЗ КАЗАНИ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬСЯ!»

Я засмеялась так, что у меня снова запотели очки.

— Что? — встревожился он. — Неправильно? Мне внук помогал. Он сказал, так пишут в интернете.

— Правильно, — сказала я. — Абсолютно правильно. Можно я её сфотографирую?

— Можно, — разрешил он. — Её можно. Меня — потом, когда я буду красивый.

Так я познакомилась с Сомчаем Кэосангом, которого все, и я тоже с первой же минуты, называют лунг Сом. «Лунг» по-тайски — дядя, старший брат отца или матери, а заодно так вежливо обращаются к любому мужчине в возрасте. Ему пятьдесят восемь. У него сломанный нос — потом я узнала, что это память о провинциальных рингах муай тай, где он дрался в молодости, — а на левом плече, из-под рукава, выглядывает выцветшая татуировка: какие-то тонкие письмена и узоры, похожие на решётку. Лицо у него было такое, будто он про себя смеётся над чем-то, что тебе ещё предстоит понять.

Я сложила ладони, как видела на картинках, поклонилась и сказала старательно, как учила по видео:

— *Сават-ди кхрэн!*

Лунг Сом посмотрел на меня с огромной нежностью.

— Соня, — сказал он. — Ты сейчас поздоровалась как мужчина. *Кхрэн* говорят мужчины. Девушки говорят *кха*. *Сават-ди кха*. Но ничего. Май пен рай. У нас в первый день все иностранцы немножко мужчины.

Суварнабхуми огромный и неземной: крыша из стекла и стали выгибается волнами, как гигантское крыло. Аэропорт открыли в две тысячи шестом году, а название ему дал король Пхумипон.

— *Суварнабхуми* — «золотая земля», — сказал он. — Так в древних индийских книгах называли наши края. Всю Юго-Восточную Азию. Мы, тайцы, конечно, думаем, что золотая земля — это именно у нас. Бирманцы думают, что у них. Спорим уже тысячу лет.

— А второй аэропорт?

— Донмыанг. Старый, ему больше ста лет. Оттуда летают дешёвые авиакомпании. А между его взлётными полосами есть поле для гольфа. Правда-правда.

Я решила, что он шутит. Он не шутил. С лунг Сомом я быстро выучила правило: самое неправдоподобное, что он говорит, обычно правда, а самое правдоподобное — шутка.

Я заметила ещё одну странность. Очень многие вокруг — служащие, встречающие, девушки у стойки с сим-картами — были в чёрном или чёрно-белом. На стене висел огромный портрет пожилой женщины в золотой раме, обтянутый чёрной и белой тканью, перед ним стояли цветы. Я спросила, не мода ли это тут такая.

Лунг Сом ответил не сразу. Он остановился у портрета, на секунду сложил ладони.

— Это королева Сирикит. Мать нашего короля. Она умерла в конце октября, ей было девяносто три. Сейчас в стране траур. Чиновники будут носить чёрное целый год, а всех остальных правительство попросило девяносто дней одеваться в чёрное, белое или тёмное. Флаги на государственных зданиях пока приспущены. — Он посмотрел на мой розовый рюкзак. — Тебе, как госте, никто ничего не скажет. Но если завтра наденешь что-то спокойное, люди это заметят и будут тебе благодарны. Её день рождения, двенадцатое августа, у нас — День матери.

Мне стало немного стыдно за свой чемодан, почти целиком состоящий из жёлтых и оранжевых футболок.

— Май пен рай, — сказал он. — Чёрные футболки на рынке стоят сто бат. Купим.

Страна свободных

Машина у лунг Сом оказалась старенькой серебристой «Тойотой» с продавленным водительским сиденьем. На зеркале заднего вида болталась гирлянда из белого жасмина — уже подвявшего, но пахнущего так, что кружилась голова, — и маленький медальон с портретом лысого старого монаха. На приборной панели — крошечный золотистый Будда на двустороннем скотче и фотография мальчика в футбольной форме.

— Тонкла, — сказал лунг Сом, заметив, куда я смотрю. — Мой внук. Восемь лет. Это он писал табличку.

— То есть «пожаловаться» — это его?

— Его. — Лунг Сом вздохнул с гордостью. — Он учит русский со мной. Русский у него плохо. У меня тоже, если честно.

Это была неправда. Русский у лунг Сом живой и быстрый, с тайской мелодией, будто он всё время немного поёт. Выучил он его в двухтысячных, работая в Паттае с русскими группами. Ударения он иногда ставит так, что слово звучит как новое, а поговорки переделывает на свой лад.

Мы выехали на скоростную дорогу. Я опустила стекло — лунг Сом посмотрел на меня как на сумасшедшую, — и в салон ввалилась ночь, горячая и гудящая. Башни кондоминиумов с тысячами окон, рекламные щиты размером с дом, вывески на тайском — завитушки, петельки, крючочки, ни одной понятной буквы. Мимо пронеслось ярко-розовое такси, потом зелёно-жёлтое, потом мотобайк, на котором ехали трое, и третий, судя по всему, спал.

— Почему все едут не с той стороны? — спросила я.

— Это ты едешь не с той стороны, — ответил лунг Сом. — У нас движение левостороннее. Будешь переходить улицу — смотри сначала направо!

Я закрыла окно и спросила то, что хотела спросить ещё в самолёте.

— Лунг Сом, а почему Таиланд называется Таиланд? Я всегда думала, что это просто «земля тайцев». А раньше ведь был Сиам. Сиамские кошки, сиамские близнецы...

— Все русские сначала спрашивают про кошек, — сказал он с удовольствием. — Слушай. Много веков иностранцы называли нашу страну Сиам. Откуда это слово — учёные спорят; может быть, из санскрита, где похожее слово значит «тёмный», «смуглый». А в тысяча девятьсот тридцать девятом году премьер-министр Пибун — военный, очень решительный человек, про него поговорим весной — переименовал страну в Таиланд. После войны, в сорок пятом, вернули имя Сиам. А в сорок девятом — опять Таиланд. Уже навсегда.

— То есть мы с вами сейчас едем по стране, которая за десять лет трижды поменяла имя?

— Да. Как девушка, которая никак не может выбрать фамилию. — Он хмыкнул. — Но слушай дальше. Мы сами говорим не «Таиланд», а *Пратхет Тхай*. *Пратхет* — страна. *Тхай* — тайцы. А ещё *тхай*, так говорят у нас в школе, значит «свободный». Пратхет Тхай — страна свободных.

— Красиво, — сказала я. — А это правда?

Лунг Сом одобрительно покосился на меня. Потом он признался, что именно в этот момент решил, что я ему нравлюсь.

— Правильный вопрос. Лингвисты говорят, что сначала слово «тай» значило просто «люди». Потом уже стало «свободные». Но я верю и тем, и другим. Свободные люди — это хорошо звучит, правда? И ещё одно. Мы — единственная страна во всей Юго-Восточной Азии, которая никогда не была колонией. Бирма и Малайя были английские, Лаос, Камбоджа, Вьет-

нам — французские. А нас не взяли. Как — длинная история, её я расскажу потом. А пока просто запомни: когда таец говорит «Пратхет Тхай», у него внутри вот тут, — он постучал себя кулаком по груди, — немножко гордость.

— А официально как?

— Официально — *Ратча-аначак Тхай*, Королевство Таиланд. Но так говорят по телевизору. Люди говорят «Мыанг Тхай» или просто «Тхай».

Я записала всё это в телефон и потом обнаружила там фразу «Пратхет Тхай — страна свободных кошек». Видимо, я засыпала.

— А вас как правильно звать? — спросила я, чтобы не уснуть. — Сом — это же имя?

— Сом — это *чы лен*, «играющее имя», прозвище. У каждого тайца есть официальное имя, длинное, для документов, — я вот Сомчай Кэосанг. А есть короткое, для жизни.

— «Сом» — это как рыба?

— Как рыба у вас. А у нас *сом* — это апельсин. И ещё «кислый».

— Вас зовут Апельсин? — Я проснулась окончательно.

— Меня зовут Сом, — с достоинством сказал лунг Сом. — Но можно и Апельсин. У нас есть люди по имени Пиво, Пепси, Бенц — как «Мерседес», Мышь, Лягушка, Свинка. Моя соседка — тётушка Ной, *ной* — «маленькая». Мой внук — Тонкла, «росток». Иногда ребёнку дают смешное прозвище, чтобы злые духи не позавидовали. Духам неинтересно красть мальчика по имени Свинка.

— А фамилии?

— Фамилии у нас молодые. Их ввели только в тысяча девятьсот тринадцатом году, по закону короля Рамы Шестого. Повторять чужую фамилию нельзя, поэтому они длинные и все разные. А зовём мы друг друга всё равно по имени: кхун Сомчай, кхун Соня.

Сто шестьдесят восемь букв

На горизонте, над морем огней, вырос чёрный силуэт небоскрёба — будто кто-то вынул из него кубики, и они повисли в воздухе, спиралью обвивая стеклянную башню.

— Маханакхон, — сказал лунг Сом. — Триста с лишним метров, наверху стеклянный пол. Когда я был таксистом, его ещё не было. А когда я был маленьким мальчиком в Убоне, я думал, что Бангкок — это место, где живут ангелы. И знаешь что? Я был прав.

— Почему?

— Потому что Бангкок называется не Бангкок.

Он помолчал для эффекта.

— «Бангкок» — это старое название маленькой деревни на берегу реки. *Банг* — деревня у воды, на канале. *Макок* — дерево с кислыми плодами, их зовут «тайскими оливками», хотя это совсем не оливки. Иностранцы так и стали говорить: Бангкок. А мы говорим *Крунг Тхеп*, «Город ангелов». Это начало настоящего имени — самого длинного названия города в мире. В Книге рекордов Гиннеса — сто шестьдесят восемь букв латиницей.

— Вы его знаете целиком?

Вместо ответа лунг Сом набрал воздуха и запел — на бодрый эстрадный мотив, отстукивая ритм по рулю:

— *Крунг Тхеп Маханакхон Амон Раттанакосин Махинтара Аюттхая Махадиллок Пхон Ноппарат Ратчатхани Буриром Удомратчанивет Махасатхан Амон Пиман Аватан Сатхит Саккатхаттия Витсанукам Прасит!*

Я, конечно, уже снимала. Это видео до сих пор у меня в телефоне, и в конце мой голос спрашивает: «Это что сейчас было?»

— Это песня, — объяснил он, ничуть не запыхавшись. — В конце восьмидесятых её спели два брата, Асани и Васан. С тех пор все дети в Таиланде знают полное имя Бангкока: прочитать его невозможно, а спеть — пожалуйста.

— А что оно значит? Всё целиком?

— Целиком... — Лунг Сом прищурился, переводя. — Примерно так: «Город ангелов, великий город, вечное хранилище драгоценного камня, неприступный город бога Индры, величественная столица мира, одарённая девятью драгоценными камнями, счастливый город, полный изобилия, великолепный царский дворец, похожий на небесное жилище, где царствует перевоплощённый бог, город, подаренный Индрой и построенный Вишвакарманом».

— Кто такой Вишвакарман?

— Божественный архитектор из индийских легенд. А «драгоценный камень» — это Изумрудный Будда, главная святыня страны, в храме при Большом дворце.

— Кстати, — добавил он, — несколько лет назад наше Королевское общество официально поменяло английское название столицы. Теперь правильно писать Krung Thep Maha Nakhon, а Бангкок — в скобках. Но все всё равно говорят Бангкок. Имя — оно как ботинки: можно купить новые, но старые удобнее.

Бангкоку чуть больше двухсот сорока лет: в тысяча семьсот восемьдесят втором году король Рама Первый, основатель династии Чакри, перенёс столицу с западного берега Чао Прайи на восточный. А на западном берегу, где до этого пятнадцать лет была столица короля Таксина, остался Тхонбури. Туда-то мы и ехали.

Илл. 1.2. Как на самом деле зовут Бангкок. Лунг Сом поёт это за двадцать секунд.

— Я живу в Тхонбури, у канала, — сказал лунг Сом. — И ты там будешь жить, первое время. Тётушка Ной сдаёт комнату наверху. Понравится — хорошо. Не понравится — найдём другое. Май пен рай.

— Лунг Сом, — сказала я. — Вы уже в пятый раз сказали «май пен рай». Что это вообще значит?

— Буквально — «это ничего», «не беда». Но вообще это философия. Упал — май пен рай. Опоздал — май пен рай. Разбил машину... ну, тут уже смотря чью.

— А если что-то правда страшное?

— Тогда тоже май пен рай, — серьёзно ответил он. — Только тихо. Это значит: «Случилось то, что случилось. Злиться не поможет. Давай жить дальше». Ты этому ещё научишься.

Мы пересекли по мосту Чао Прайю — широкую чёрную воду с бликами и одиноким буксиром, тянувшим вереницу барж. На том берегу огни стали ниже, улицы уже. Мы свернули в переулок — *сой*, — и лунг Сом остановил машину у столба, с которого свисал клубок проводов, как огромное чёрное гнездо.

— Сначала поедим, — объявил он. — Самолётная еда — это не еда. Это извинение за еду.

На углу, под одинокой лампой, работал ночной ресторан: три складных стола, пластиковые табуретки и котёл, из которого валил пар. Хозяин, пожилой китаец с полотенцем на плече, дядюшка Хэнг, кивнул нам как родным. Два часа ночи, а за соседним столом ели таксист и две медсестры после смены.

— Это *кхао том*, рисовый суп, — сказал лунг Сом. — Ночная еда. Дядюшка Хэнг днём спит, ночью варит.

Суп был прозрачный, с разваренным рисом, свининой и жареным чесноком. На столе стояла карусель с четырьмя баночками. Я решила быть смелой, взяла ложку того, что было в баночке с красными кружочками в прозрачной жидкости, и щедро плеснула в суп.

— Соня, — сказал лунг Сом, но было уже поздно.

Это был *пхрик нам пла* — рыбный соус с нарезанным перцем чили. Я не буду описывать следующие пять минут. Скажу только, что медсестры смеялись очень доброжелательно, а дядюшка Хэнг молча положил передо мной кусок огурца, и я поняла, что огурец в Таиланде — не овощ, а скорая помощь.

— Четыре баночки, — объяснял лунг Сом. — Сахар, сушёный перец, перец в уксусе, рыбный соус с перцем. Сладко, остро, кисло, солёно. Повар даёт основу, а ты доводишь до счастья. Очень по-тайски: никто не говорит тебе, как надо. Но и никто не виноват, если ты всё испортил.

— Можно было предупредить, — прохрипела я.

— Можно, — согласился он. — Но тогда ты бы не запомнила.

Потом мы зашли в «Севен» — так тут называют «Севен-Илевен». Он светился на углу, как приземлившийся космический корабль, и продавщица сказала мне «*сават-ди кха*» в три часа ночи так, будто я лучшее, что случилось с ней за смену. Их в стране больше пятнадцати тысяч.

— «Севен» — наш второй флаг, — сказал лунг Сом. — Заплатить за телефон, купить лекарство, зарядку, горячий тост с ветчиной и сыром. Потерялась — ищи «Севен».

Я купила воды, горячий тост и — сама не знаю зачем — пакетик сушёных кальмаров. Тост разогрели в специальной машинке и выдали в бумажном конверте. Он был божественный.

Около трёх мы свернули на бетонную дорожку вдоль воды. Звенели лягушки, пахло тиной, цветами и благовониями. Деревянные дома стояли на сваях прямо над каналом — *кхлонгом*. У одного из домов, на столбике перед входом, стоял маленький домик — будто кукольный храм, с позолоченной крышей, крошечными фигурками, стаканом с красной газировкой и трубочкой, воткнутой в стакан.

— Это дом для духа, — шёпотом сказал лунг Сом. — Хозяина земли. Он жил здесь до людей, и мы его уважаем. Кормим, поим. Он любит клубничную газировку.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Духи тоже любят сладкое.

Тётушка Ной ждала нас на веранде: маленькая, круглая, с пучком на голове и таким голосом, что проснулись все лягушки в кхлонге. Она обняла меня — тайцы обычно не обнимаются с незнакомыми, но тётушка Ной есть тётушка Ной — и повела наверх. Комната была деревянная, с москитной сеткой, вентилятором и окном прямо на воду. На подушке лежал цветок жасмина.

— Она говорит: спи, девочка, завтра будет суп, — перевёл лунг Сом снизу. — А я говорю: утро вечера мудренее. А ночь — вкуснее. Спокойной ночи, Соня. Добро пожаловать.

Утро у канала

Меня разбудил глухой мягкий удар — *бомм* — и долгий дрожащий гул, как будто кто-то медленно разматывал в воздухе струну. Было пять сорок утра.

Потом снизу раздался плеск воды и голос тётушки Ной — она не говорила, она командовала миром.

По каналу, в сизом тумане, скользила узкая деревянная лодка. На корме сидела тётушка Ной в соломенной шляпе, похожей на абажур, и правила одним веслом. В лодке дымился котёл на углях, рядом — стопка маленьких мисок, лапша, зелень. Это была знаменитая *куайтъяу риа*, лодочная лапша: в старом Бангкоке, когда город был городом каналов, её варили и продавали прямо с лодок, и сейчас такое ещё можно увидеть, но уже редко. Соседи выходили на свои мостки, свешивались с веранд, протягивали деньги и получали крошечную мисочку дымящегося супа.

А вдоль берега, по бетонной дорожке, босиком шли монахи. Трое, в шафрановых одеждах, с металлическими чашами в руках. Женщины и старики выходили к дорожке, снимали обувь, клали в чаши рис, фрукты, свёртки в банановых листьях и опускались на колени. Монахи нараспев произносили благословение и шли дальше. Гонг, как я узнала позже, бил в вате — храме — на той стороне канала.

Я, конечно, схватила камеру. И, конечно, высунулась из окна по пояс.

— Соня! — раздалось снизу. Лунг Сом стоял на дорожке в шортах и с пакетом риса в руках. — Спускайся. Только тихо. И надень что-нибудь длинное.

Я натянула единственные длинные штаны — чёрные, к счастью — и спустилась. Лунг Сом дал мне пакетик с рисом и шёпотом проинструктировал: обувь снять, стоять ниже монаха, не касаться его — женщине нельзя касаться монаха даже случайно, даже края одежды. Не разговаривать. После — опуститься на колени и сложить ладони.

Высокий монах с очень спокойным лицом остановился передо мной. Я положила рис в чашу и опустилась на тёплый бетон. Он произнёс что-то нараспев на языке, звучавшем ещё древнее тайского, а потом посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то весёлое.

— Where are you from? — спросил он по-английски, почти беззвучно.

— Russia, — прошептала я. — Kazan.

— Snow? — спросил он.

— A lot of snow.

Он кивнул, как будто это была очень хорошая новость, и пошёл дальше.

— Пхра Ананда, — сказал лунг Сом, когда монахи скрылись за поворотом. — Из вата напротив. Очень любит спрашивать иностранцев про снег. Он никогда не видел снега.

— Он нарушил правило? Разговаривать же нельзя.

— Правила — чтобы люди знали, где середина, — пожал плечами лунг Сом. — А мудрый знает, когда можно отойти от середины на шаг.

Потом тётушка Ной подогнала лодку к мосткам и вручила мне мисочку размером с чайную чашку. Суп — тёмный, пряный, с тонкой рисовой лапшой, свининой, фрикадельками и зеленью: сладко, солёно, чуть кисло и где-то очень глубоко — остро. Я съела его в четыре глотка и попросила ещё. Тётушка Ной захохотала и выдала сразу две.

— Почему такие маленькие? — спросила я.

— Потому что с лодки большую миску не передашь — упадёт в канал, — объяснил лунг Сом. — И чтобы съесть три, пять, семь. Тайцы любят не одну большую еду, а много маленьких.

Потом я уснула снова — поверх одеяла, с камерой в руках. И проснулась от второй странности.

Через канал, за храмом, была школа: гомон детских голосов, свисток, крик в громкоговоритель. И вдруг всё стихло. Над водой разнеслась музыка — торжественная, маршевая, но какая-то очень мелодичная, — и хор из сотен детских голосов запел. Я выглянула в окно. За деревьями, на школьном дворе, стояли ровные ряды детей в белых рубашках и тёмно-синих шортах и юбках, а на высоком флагштоке медленно поднимался флаг — красный, белый, синий.

На часах было ровно восемь.

Внизу тётушка Ной, отмывавшая котёл, выпрямилась и замерла с тряпкой в руке. Сосед на веранде опустил сигарету и встал. Проплывавшая моторка сбросила ход. Когда песня кончилась, тётушка Ной снова загремела котлом, и лодка затарахтела дальше.

Я поняла, что увидела что-то важное. Но что именно — только вечером.

Три цвета и одна птица

К полудню лунг Сом постучал в мою дверь и сказал, что Бангкок ждать не будет, а если будет — то в пробке. Мы сели на речной трамвайчик с оранжевым флажком и поплыли по Чао Прайе к старому городу. Кондуктор, девушка в форме, командовала рулевым свистком, когда причаливать и когда отходить.

Вдоль реки плыли храмы с многоярусными крышами, золотые шпили, склады, небо-скрёбы. И везде — флаги. Тайский, трёхцветный, висел на каждом пирсе. На некоторых зданиях он был приспущен — траур. Рядом с ним часто висели жёлтые флаги с каким-то гербом и синие — с другим. А кое-где — чисто жёлтые, с красным колесом посередине.

— Лунг Сом, почему у вас столько разных флагов?

— Потому что у нас много кого уважать, — ответил он. — Трёхцветный — это флаг страны, *Тхонг Трайронг*, «трёхцветный флаг». Жёлтый с гербом — это цвет короля. Король родился в понедельник, а цвет понедельника у нас — жёлтый. Синий — цвет королевы Сирикит, она родилась в пятницу, пятница синяя. Поэтому сейчас синих флагов особенно много. А жёлтый с колесом — это буддизм, колесо дхармы, учения Будды.

— У каждого дня недели свой цвет?

— Конечно. Воскресенье — красный, вторник — розовый, среда — зелёный, четверг — оранжевый, суббота — фиолетовый. Ты в какой день родилась?

Я полезла в телефон. Оказалось — во вторник.

— Розовая, — удовлетворённо сказал лунг Сом, глядя на мой рюкзак. — Я так и думал. Твой рюкзак знал раньше тебя.

Мы вышли у Большого дворца. Ночная жара была мягкой, как мокрое полотенце, дневная давила сверху, как утюг. Лунг Сом шёл медленно, по теневой стороне, и я быстро поняла, почему здесь никто не спешит.

У белых стен дворца стояла длинная тихая очередь людей в чёрном — пожилые пары, семьи, студенты, монахи, с цветами в руках. Люди приезжали, иногда из дальних провинций, поклониться портрету королевы-матери. Я не стала их фотографировать. Мне показалось, что это не для кадра.

Мы остановились у флагштока на площади. Я спросила про цвета.

— Красный — это нация, народ, земля, — сказал лунг Сом. — Белый — религия, буддизм, чистота. Синий — король, монархия. Синяя полоса в середине — в два раза шире остальных. Потому что король — в центре, а народ и религия — вокруг него, защищают с двух сто-

рон. Нация, религия, король — *чат, сатсана, пхрамахакасат*. Эти три слова ты услышишь много раз. Их учат в школе, их пишут на плакатах. Для многих тайцев это как три опоры дома.

— А давно такой флаг?

— С тысяча девятьсот семнадцатого года. Двадцать восьмое сентября. Его утвердил король Рама Шестой. До этого у нас был красный флаг с белым слоном. Очень красивый. — Лунг Сом улыбнулся. — Есть легенда. Король ехал по провинции, где было наводнение, и увидел, что флаг со слоном на каком-то доме висит вверх ногами. Слон лежит на спине, лапы вверх. Королю это очень не понравилось — как будто страна перевернулась. И он решил сделать флаг, который невозможно повесить неправильно. Полоски — с какой стороны ни вешай, всё равно правильно.

— Это правда?

— Это легенда. — Он поднял палец. — Но умная. А есть и другая причина, настоящая. В семнадцатом году шла Первая мировая война. Сиам в том же году объявил войну Германии и встал на сторону союзников. А у союзников — у Англии, у Франции, у Америки, у России тогда тоже — флаги были красно-бело-синие. Вот и наш стал такой. Потом наши солдаты даже воевали во Франции, и после войны маршировали в Париже на параде победы. Под этим флагом.

— Подождите, — сказала я. — То есть тайский флаг — родственник российского?

— Двоюродный брат, — важно кивнул лунг Сом. — Поэтому, наверное, я так хорошо понимаю русских.

Двадцать восьмое сентября, добавил он, теперь отмечают как День флага.

А потом я увидела птицу. Красная, золотая, с расправленными крыльями, человеческим торсом, короной и птичьим клювом. Она сидела над воротами министерства, потом — поменьше — над входом в банк, потом на обложке тайского паспорта, который лунг Сом достал из сумки.

— Это Гаруда, *Пхра Крут Пха*, — сказал лунг Сом. — Герб страны и знак короля. В индийских сказаниях Гаруда, царь птиц, возит бога Вишну, а наших королей издавна считают как бы воплощением Вишну — поэтому и тронное имя Рама, как у героя, который тоже был воплощением Вишну. Где Гаруда — там государство: документы, паспорт, министерства.

— А на банке? Банк же не государство.

— Правильный вопрос, — одобрил он. — Если Гаруда висит на частной компании, значит, она получила от короля особое разрешение. Это очень большая честь, её дают тем, кто долго служил стране. Просто так нарисовать Гаруду на вывеске нельзя. Это как у вас... знак качества? Только в тысячу раз серьезнее.

Я сфотографировала Гаруду над банком. Лунг Сом посмотрел на экран и сказал, что Гаруду надо снимать с уважением, а не снизу, будто ловишь.

— А теперь, — сказал он, — мы поедем пить холодный кофе, потому что у тебя красное лицо, как у нашего флага.

Илл. 1.4. Флаг, названия страны и Гаруда — всё, что я узнала за первые сутки, пока пряталась от солнца.

Когда город замирает

Холодный кофе — *о лиэнг* — оказался чёрным, очень сладким, с запахом жжёного сахара. Его наливают в пакет со льдом, завязывают резинкой, втыкают трубочку и дают за петельку, как рыбку из зоомагазина. Я носила его, прижимая к щеке.

К пяти часам на метро — холодном, с ровными очередями у нарисованных на полу стрелок — мы добрались до парка Лумпхини. Лунг Сом сказал, что это лёгкие Бангкока, что парку сто лет, что землю под него дал всё тот же король Рама Шестой — «он нам всё придумал: фамилии, флаг, парк» — и назвал его в честь Лумбини, места в Непале, где родился Будда.

После раскалённых улиц парк был как вдох: огромные деревья, пруды, сотни бегущих людей, а вокруг — небоскрёбы, отражающиеся в воде. На лужайке под громкую музыку занимались аэробикой полсотни женщин за пятьдесят, все в чёрных футболках, все очень серьёзные. Пожилой китаец в тени медленно разводил руками — тайцзи. Пахло травой и жареными сосисками.

Я шагнула к пруду, чтобы снять отражение башен, — и прямо у моих ног из травы вылезла ящерица длиной с меня. Серо-чёрная, с жёлтыми пятнышками и раздвоенным языком. Она посмотрела на меня древним холодным взглядом и неторопливо поползла к воде.

Я издала звук, которого сама от себя не ожидала.

— Это *хиа*, — невозмутимо сказал лунг Сом. — Варан. Их тут сотни. Если не трогать, не кусаются. Едят рыбу и крыс, плавают, как крокодилы. Несколько лет назад часть даже вывезли, потому что их стало слишком много.

— Хиа, — повторила я, пытаясь навести на варана камеру дрожащими руками.

— Тише! — Лунг Сом оглянулся и засмеялся. — Не кричи это слово громко. *Хиа* — это ещё и очень плохое ругательство. Если назвать человека «хиа» — это как... ну, очень плохо

назвать. Поэтому вежливые люди говорят про варана по-другому: *туа нгэн туа тхонг*. «Зверь серебра и золота».

— Почему серебра и золота?

— Потому что если варан зашёл в дом — это к деньгам. Или к несчастью. Смотря кто рассказывает. Мы любим, чтобы у приметы было два конца: что бы ни случилось, примета сработала.

Я поймала кадр: варан в воде, отражение небоскрёба и тётушки на аэробике. «Бангкок в одном кадре», — сказал лунг Сом.

Солнце садилось быстро, как всегда в тропиках: полчаса — и небо из белого стало персиковым, потом лиловым. Лунг Сом кивнул на мои часы.

Я посмотрела. Было без одной минуты шесть.

— Сейчас, — сказал лунг Сом. — Стой. Просто стой.

Из громкоговорителей, развешанных на столбах по всему парку, раздался звук. Та самая музыка, которую я слышала утром из-за канала. Первые такты.

И парк остановился.

Как будто кто-то нажал на паузу. Бегун, мчавшийся мне навстречу, затормозил и замер, руки по швам. Велосипедист соскочил с велосипеда. Тётушки на аэробике застыли посреди движения — одна так и осталась с поднятой рукой, потом медленно её опустила. Продавец сосисок отложил шипцы. Даже старый китаец с тайцзи, который и так двигался медленнее всех на свете, остановился совсем.

Сотни людей стояли неподвижно, лицом в разные стороны, в густеющих сумерках, а над ними летела торжественная музыка и голоса хора. Двигались только вараны. И я.

Я поняла это секунды через три — я стояла с камерой, прицеливаясь в замершую тётушку. Лунг Сом, не поворачивая головы, очень тихо сказал:

— Опусть камеру. Постой с нами.

Я опустила. И постояла.

Жара, зажигающиеся окна небоскрёбов, неподвижные люди, цикады, которые продолжали звенеть, потому что им никто не объяснил, — и песня. Я не понимала ни слова, но что-то сжималось у меня в горле: я впервые видела, как целый город одновременно делает одно и то же.

Потом песня кончилась, кто-то первым шагнул — и парк ожил. Бегун рванул дальше. Тётушки продолжили аэробiku с того же движения, на котором остановились.

— Это наш гимн, *Пхленг Чат Тхай*, — сказал лунг Сом. — Его играют каждый день в восемь утра и в шесть вечера: по радио, по телевизору, на вокзалах, в парках, в школах. Утром ты слышала его из школы — там дети поднимают флаг. Вечером — вот так.

— Все обязаны?

— Правило стоять появилось ещё при том же Пибуне. Но никто не бежит с палкой. Кто-то стоит, потому что любит страну. Кто-то — потому что так делал отец. — Он улыбнулся. — А кто-то — потому что рядом стоит лунг Сом и смотрит.

— А слова? О чём там поётся?

— Что Таиланд — земля, которую тайцы собрали своей кровью и плотью, и она принадлежит всем тайцам. Что тайцы любят мир, но не трусы, и никто не отнимет у них свободу. Музыку написали в тридцать втором году, а слова — в тридцать девятом, когда страну переименовали: раньше там пелось «Сиам».

— Мне показалось, это очень красиво, — сказала я. — И немного страшно. Когда все замирают.

— Страшно? — Он удивился. — Нет. Представь большую семью, шестьдесят с лишним миллионов человек. Все разные, все спорят — про политику у нас, поверь, спорят очень

громко. Но два раза в день все на минуту останавливаются и молчат одно и то же. Не потому что все согласны. А потому что все — одна семья. Хотя бы на минуту.

— Есть ещё королевский гимн, *Сансоен Пхра Барами*, — добавил лунг Сом. — Его играют в кинотеатрах перед фильмом. Там тоже все встают. Не сиди, когда все встали.

— Я, кажется, уже поняла одну вещь, — сказала я.

— Какую?

— Что Таиланд — это не только пляжи и тосты из «Севена».

— Это хорошо, — сказал лунг Сом. — Но и тосты тоже. Не надо недооценивать тосты.

По дороге к метро я спросила, куда мы поедем завтра.

— Завтра, — сказал лунг Сом, — я покажу тебе Бангкок сверху. И объясню важную вещь: Бангкок — это не Таиланд. Но завтра. Сейчас ты спишь стоя.

В метро я уснула у него на плече, и он всю дорогу сидел не шевелясь, «как на гимне», сказал он потом.

У канала тётушка Ной сидела на мостках и пускала по воде что-то круглое, из банановых листьев, с цветами и огоньком све

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.